

ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПРОЕКТАХ И БУМАГАХ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА А.И. ОСТЕРМАНА¹

В данной статье внимание привлечено к проектам и суждениям одного из выдающихся политиков первой половины XVIII в. – графа Андрея Ивановича Остермана. При реконструкции его представлений о государственном устройстве исследователи сталкиваются с его позицией, нацеленной на скрытие личных инициатив во избежание дальнейшей ответственности. Другой причиной является нереализованность большинства из них. Тем не менее, собрав воедино черновики проектов и другие тексты, автором которых был Остерман, автор статьи реконструирует представления о политическом устройстве государства, которыми он руководствовался, реализуя внутри- и внешнеполитический курс империи в качестве кабинет-министра.

Ключевые слова: Кабинет министров, граф А.И. Остерман, дворцовые перевороты, история политической мысли, престолонаследие.

Граф Андрей Иванович Остерман – исторический персонаж, политическая деятельность которого в профессиональном сообществе историков все еще вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Одной из проблем является неясность механизмов его влияния на власть (а во влиянии Остермана и его авторитете никто не сомневается, не зря Б.-Х. Миних отмечал, что «Черкасский [кабинетный министр А.М. Черкасский] был телом Кабинета, а Остерман – душой»²). Курьезность вопроса заключается в том, что, наряду с влиятельностью, Остерману приписывали такие свойства, как «хитрость», «скрытность» и стремление перекаладывать ответственность на других. Так же, по воспоминаниям современников, Остерман не обладал ни внешней привлекательностью, ни природным обаянием (в отличие от Бирона), которые могли бы способствовать его сближению с людьми. Другими словами, историк, который обращается к биографии и политической деятельности Остермана, сталкивается с образом влиятельного царедворца, который не оставил после себя сколько-нибудь значимых текстов, свидетельствующих о политических принципах его деятельности. Мифы вокруг персоны Остермана стали складываться еще при жизни, как и мифы о «бионовщине» и «засильи немцев». Достаточно обратиться к воспоминаниям современников, в которых они называли его «хитроумным»³, отзывались о нем как о человеке, который «не может никого терпеть около себя»⁴. Одной из самых ярких характеристик Остермана наградила Ж.-И.Т. Шетарди, заявив, что граф был занят «единственно мыслию удержаться на месте во время частых дворских бурь» и

¹ Статья подготовлена в рамках реализации исследований по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-1260.2019.6.

² Миних 1997: 293–294.

³ Манштейн 1997: 31.

⁴ Миних 1874: 303.

стремился не «пристать к которой либо партии»⁵. Да, Остерман, будучи кабинетным министром, входил в ближайший круг императрицы Анны Иоанновны, а потом – регентши Анны Леопольдовны. Но достаточно ли этого для поддержания административной активности и сохранения поста первого министра за собой? Ведь кроме Остермана членами Кабинета был А.М. Черкасский, а также ряд других политиков, сменявших друг друга в течение десяти лет существования этого органа, но именно Остерман среди них заслужил звание «первого министра».

Опираясь на ряд его «конспектов» и записок, письменно зафиксировавших его мнения по разным вопросам государственной важности, нам кажется возможным назвать его «прожектором»⁶, не сумевшим реализовать большинство своих замыслов. Упоминая прожектерство, важно отметить, что мы не ставим перед собой задачу оценивать идеи и замыслы Остермана категориями успеха/неуспеха. Один из проектов – «Мнение», адресованное Анне Леопольдовне. Этот текст с некоторыми оговорками мы рассматриваем в качестве политического завещания Остермана.

Итак, Остерман – политический деятель, который со времени прихода к власти Анны Иоанновны получил возможность реализовывать свои представления о том, каким должен быть политический строй в государстве и каким должен быть его руководитель. Нет сомнений, что идеальным политическим устройством Остерман видел монархию. В ноябре 1741 г. во время переговоров по составлению нового закона о престолонаследии состоялся спор между Остерманом и другим кабинетным министром – М.Г. Головкиным. Поднимая вопрос о законах передачи власти, Остерман сравнивал российский опыт передачи власти по женской линии с другими европейскими странами: «Такое наследство введено не токмо в России, но оно и в других землях, как в Гишпании, в Англии, в Португалии и в Дании употребительно, тако ж и при нынешней в Венгрии королеве». Но когда Головкин счел возможным упомянуть и Швецию, Остерман заявил: «И в Швеции також содержится было, как долго там находилось самодержавство. А ныне Швеция в рассуждении настоящего ея состояния примером нам в том быть не может»⁷. Остерман имел в виду, что с 1720 г. в Швеции после упразднения королевского абсолютизма была ограниченная монархия, которая никоим образом не могла послужить образцом для российского «самодержавства». Этот разговор важно упомянуть также и потому, что в нем прозвучало понятие «основательных узаконений» в связи с необходимостью обоснования легитимности передачи власти по женской линии: «Оное дело само по себе ничего чрезвычайного не содержит, потому что по *основательным узаконениям* [курсив мой. – А..Л.] сего государства, за неимением принца, принцессы безпрекословия наследовать могут, как сие поныне и всегда содержится было». Через два дня после этой беседы Остерманом было подготовлено

⁵ Маркиз де-ла-Шетарди в России... 1862: 2.

⁶ Термин введён И.И. Федюкиным. – Fedyukin 2019.

⁷ РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 41 об.

«мнение, предназначенное Анне Леопольдовне, в котором он указывал на право принцесс наследовать власть. Он утверждал, что «по силе здешних государственных установлений (*constitution*), основательных законов (*grund gesetzen*) и обыкновений приходит наследство до принцесс и само по себе, когда не бывает принцов». Он указывал, что согласно Уставу 1722 г., наследование «зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя, такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит», и в связи с этим, обращаясь к Анне Леопольдовне, заявлял: «Ваше императорское высочество императорским именем с такою ж самодержавною властию и силою государство правите, какая приличествует владеющему императору»⁸. Беседа между кабинетными министрами осенью 1741 г. является не единственным и не первым случаем, когда Остерман высказывал подобные идеи.

В 1736 г. был составлен манифест от имени Анны Иоанновны, в котором обосновывалась необходимость войны с Портой. В манифесте заявлялось: «При таком злобственном сего неприятеля намерении Мы по натуральным правам и по положенному на нас от Бога о безопасности наших государств попечению, необходимо принуждены... силы употребить». Вместе с манифестом была опубликована копия письма Остермана, адресованная турецкому визирю, где также содержалась отсылка к естественному праву: «И как по закону Божию и по всем светским и натуральным правам, так и по должности своей, яко Государь и Мать Империи своей принужденну себя находит все от Бога ей дарованный силы в защищение своей империи, и подданных своих, противу Порты употреблять»⁹. Иными словами, царица была «принуждена» к этому «законом Божиим», «светскими и натуральными правами», а также своей «должностью» правителя. Итак, над правителем предсказуемо возвышался Бог. Однако над монархом возвышались и «светские и натуральные права». Если рассуждения об обязанностях правителя перед Богом для российской политической традиции были привычными, то отсылка об обязанностях, вытекающих из светского и естественного права были новыми и напрямую отсылали к идеям писавших о естественном праве авторов XVII–XVIII вв. Таким образом, речь идет о том, что «самодержавная власть» в России покоится на «основательных законах».

Проникновение в Россию представлений о государственном устройстве, в котором верховная власть осуществляет управление страной в соответствии с *фундаментальными законами*, фиксируется еще в первой трети XVIII в. Если же говорить о появлении *фундаментальных законов* в политической практике, то к настоящему моменту первым известным случаем был проект И.И. Шувалова, подготовленный по повелению императрицы Елизаветы Петровны в 1760–1761 гг.¹⁰ Однако, как показано выше, Остерман использует это понятие уже в начале 1740-х гг.

⁸ РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 38–39.

⁹ Остерман 1736: 172.

¹⁰ Каменский 1999: 124; Киселев 2013: 33; Польской 2012: 203.

Таким образом, согласно представлениям Остермана, в России была абсолютная монархия, в которой существовал «основательный закон» – петровский Устав о престолонаследии 1722 г. Что он имел в виду? Как отмечает М. Томпсон, в европейской юриспруденции Нового времени было два подхода к пониманию того, что есть фундаментальные законы в государстве. Первый подход – это отношение к фундаментальному закону как к старому обычаю (*ancient custom*), являвшемуся важной частью государственного устройства (*constitution*). Второй – связанный с контрактной теорией возникновения государства, предполагал, что фундаментальные законы есть правила, которыми ограничивается власть правителя, включая и его право распоряжения престолом¹¹.

Исходя из остермановских суждений о «здешних государственных установлениях, основательных законах и обыкновениях», по которым наследование в России «поныне и всегда содержано было», можно сказать, что это соответствовало логике понимания фундаментальных законов как части правовой традиции страны. В то же время не стоит упускать из виду и присутствие в библиотеке Остермана европейских сочинений Нового времени, написанных в русле контрактной теории.

Обратимся к рассуждениям одного из наиболее известных правоведов XVIII в. С. Пуфендорфа, чей трактат «О должности человека и гражданина по закону естественному» был издан в Санкт-Петербурге в 1726 г., и идеи которого излагались на лекциях профессором Хр.-Ф. Гроссом¹². В этой книге Пуфендорф утверждал, что власть правителя могла быть установлена либо через «насилие брани», либо «самоизвольно собирают над собою граждане властелина». В первом случае правители могли распоряжаться захваченной страной как своей собственностью, включая возможность раздела государства по завещанию между детьми. Во втором случае, «во оных же государствах, которые от начала самоизвольною народа волею устроены суть, чин наследствия из начала в воли тогожде народа имеется». И народ может либо установить законы о престолонаследии, где будет прописан порядок наследования в семье правителя, или же, «которые егда Государю с государством купно и право о устроении наследника вручал: то наследовати будет, кого он восхоцет». Получение правителем от народа права назначать себе наследника подразумевало, что он должен помнить про «целость государства», т.е. не распоряжаться страной как своей собственностью¹³. Если учесть правовые рассуждения такого рода, то, по нашему мнению, можно говорить о договорных коннотациях в остермановской формулировке об Уставе 1722 г. («по учиненному от Петра... и от всех государственных чинов присягами подтвержденному узаконению зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит»), которая указывала не

¹¹ Thompson 1986: 1106, 1108, 1109.

¹² Бугров, Киселев 2016: 130, 144.

¹³ Пуфендорф 1726: 440–446.

только на прерогативы монарха, а подразумевала, как это не покажется на первый взгляд парадоксальным, и ограничение его всевластия. В этой логике, например, нельзя было рассматривать Российскую империю как частное владение династии Романовых, где монарх мог распоряжаться как вотчинник. Действительно, если бы подданные российского монарха были частью имущества вотчинника (рабами), зачем нужно было беспокоиться об организации «прошения от народа»? Получалось, что отношения между государственной властью и народом в России строились на публично-правовых основаниях, в основе которых лежал договор между монархом и подданными. В то же время мы понимаем, что такая наша интерпретация остермановских рассуждений является дискуссионной и в определенной степени не согласующейся с концепцией, согласно которой российское самодержавие XVIII в., по формулировке Е.В. Анисимова, имело «право править без права»¹⁴.

Кроме представлений о форме правления мы можем рассуждать и о том, каким видел Остерман идеального монарха. Это возможно благодаря обширному «Мнению», подготовленному Анне Леопольдовне и опубликованному под заголовком «Представление генерал-адмирала графа Андрея Ивановича Остермана в 1740 году, на немецком языке писанное, правительнице принцессе Анне о внутреннем тогда состоянии Российской империи и о надежнейших способах к благоуспешному управлению государством». Идеи, озвученные в «Представлении», в более схематичной форме Остерман высказывал в «Записке для памяти», которая была своего рода конспектом текста, предназначенного регентше. Черновой вариант, написанный на немецком языке и во многом соответствующий опубликованному варианту текста, хранится в РГАДА.

Обратимся к тексту «Мнения». Главными для монарха Остерман называл три качества. Первым было «благочестие», нравственно-религиозное содержание которого в его понимании превращается в политическую добродетель. Мы можем говорить об этом благодаря авторским пояснениям: «Оно учинит Вас как временно, так и вечно счастливою. Упование, возлагаемое на Ваше N.N. целым народом, чрез то наипаче утвердится, поелику он знать и потому счастливым себя считать будет, что имеет благочестивую правительницу»¹⁵. Таким образом, благочестие правителя, в первую очередь, вело не к спасению души или к получению иного воздаяния от Бога, а к лучшему управлению подданными. Идея «благочестия» также является одной из «ключевых тем» в проекте Морской Академии (сер. 1730-х гг.), проанализированном И.И. Федюкиным. Исследователь отмечает, что благочестие – это и долг и «первая и основная мотивация надлежащего поведения в целом». При этом «первой обязанностью учеников объявляется не верность государю или исполнение профессионального долга, а именно “страх божий”»¹⁶. Действительно,

¹⁴ Анисимов: 2005: 200–207.

¹⁵ Мнение графа А.И. Остермана... 1873: 257.

¹⁶ Федюкин 2015: 183.

глава «О должности учащих общей» (XI.1) начинается со следующих слов: «Должны они во-первых в божеском страхе быть и всякия христианския добродетели творить, и от всех злых и скверных дел воздержаться, ведая, что от лица божия нигде скрытны быть не могут»¹⁷. Однако, как и в случае с «благочестием» монарха, здесь идея духовного благочестия дополняется светским долженствованием благочестия.

Далее речь шла о «человеколюбии и благосклонности», которыми царствующая особа привлечет «к себе во всякое время сердца и умы целого народа... Всем известно, какое доброе действие производит то в умах подданных, когда имеют они правительницу милостиво и человеколюбно их выслушивающую, и никого от себя печальным не отпускающую»¹⁸.

Третье качество – «любовь к правосудию и истине»: «Злоба чрез то покорянится; все будет в должном повиновении и в сердцах всех честных подданных, боящихся Бога и хотящих быть христианами, воспалится неугасимый огонь любви и радостнаго на Ваше N.N. упования»¹⁹. Благодаря руководству этими качествами, «правление счастливым, славным и вкупе спокойным [будет], поелику ничем другим, как токмо оными, можно привлечь к себе умы всех и получить благословение от Бога»²⁰.

Кроме того, Остерман обращался к категориям «справедливости» и «правосудия» (его он признает «подпорою каждаго правительства»). Он отдельно писал про «власть законов», которые «каждому надлежащую определяя мзду, должны быть для каждого священны»²¹. Поэтому неподдельное раздражение его вызывал затянувшийся более чем на двадцать лет процесс составления нового Уложения, «как трудятся... над новою книгою законов»²². По его мнению, следствием руководства буквой закона станет то, что у подданных будет «любовь вместе с повиновением, и время и опыт покажут великую от того пользу»²³. Таким образом, божественное ушло на второй план, уступая место светским нормам.

Одной из обязанностей монарха, как представлялось Остерману, было, в том числе, поощрение своих подданных к службе. Эту идею он неоднократно повторял в разных проектах и докладах. В записке (1730) такое поощрение он называл «анкуражированием» (что, по И.И. Федюкину, являлось возбуждением «охоты к службе»²⁴). Прежде всего надлежало «смотреть», «ежели кто какую особливую службу показал, такого человека, несмотря на возраст и ни на что другое, «пожаловать пристойно, для анкуражирования другим». В противном случае следовало

¹⁷ Проект к Морской академии... 2015: 198.

¹⁸ Мнение графа А.И. Остермана... 1873: 257.

¹⁹ Мнение графа А.И. Остермана... 1873: 257. В «Записке для памяти» читаем: «Милосердие и снисходительство. Любовь к правосудию и исполнение онаго. Поклепять правосудие частыми издаваемыми манифестами». – Записка для памяти... 1880: 1.

²⁰ Мнение графа А.И. Остермана... 1873: 259.

²¹ Мнение графа А.И. Остермана... 1873: 258.

²² Мнение графа А.И. Остермана... 1873: 259.

²³ Мнение графа А.И. Остермана... 1873: 260.

²⁴ Федюкин 2014: 117.

учитывать «достоинство» и «старшинство», иначе «старший в печали останется и охота к службе пропадет»²⁵. Осознавая важность мотивации в работе, Остерман считал необходимым «узнавать людей по их делам»²⁶ и привлекать к службе карьерными перспективами: «Никто не хочет охотно служить во флоте, потому что они там не имеют таких случаев к повышению и к знатнейшим чинам, как в сухопутной армии; для того потребно для сих людей некоторое поощрение»²⁷. Концепт поощрения присутствует и в проекте Морской Академии, который предполагал задачу «воспитателей не принуждать учеников, а возбудить в них “охоту” и к учебе, и к успешной службе в целом»²⁸. В качестве мотивации предлагалась возможность, говоря современным языком, карьерного роста.

Эти принципы Остерман распространял и на вольнонаёмный труд. Летом 1739 г. им был подготовлен в связи с выговором императрицы оправдательный доклад. В нем он приводил следующие сведения: «Сие генерално толко могу донести, что по учиненной от меня в Морской комиссии пробе явно показалось к немалой Вашего Императорскаго Величества казенной ползе, что все то, что порядочным наймом исправлено быть может, прибылнее и скоряе делается»²⁹. Таким образом, вольный найм и заработная плата поощряют к труду. В этом же Остерман видел экономическую выгоду. Эти же идеи были зафиксированы им и в «Мнении» 1740 г.: «Весма потребная отстройка доков необходимее всего к содержанию и сохранению кораблей... можно работать при том солдатами. Они будут получать ежедневно 4 копейки, сверх обыкновенного содержания, работа пойдет успешнее и меньше стоить будет»³⁰.

При этом на первое место Остерман выдвигал профессиональные навыки (собственно, благодаря чему он сам смог сделать свою карьеру). При выборе кандидатов он руководствовался следующими правилами: «Выбрать тех, которые... себя особливо пред другими радетьельно показали», далее по приоритетам «при пожаловании других» шло «достоинство» и «старшинство», а для этого «повелеть себе подать исправную роспись всем чинам до полуполковническаго рангу»³¹. Кроме того, он рекомендовал «генерально объявить, что... извольте в ранги производить по некоторому определенному числу... и сперва производить в то числе тех, которые того особливо достойными... себя учинили, а потом, сколько возможно по старшенству, чтоб никому напрасной обиды не было»³². Остерман указывал на то, что ряд кандидатов при армии «места не имеют и

²⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 225. Л. 1.

²⁶ Мнение графа А.И. Остермана... 1873: 259.

²⁷ Мнение графа А.И. Остермана... 1873: 267.

²⁸ Федюкин 2015: 184.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1182. Л. 128.

³⁰ Мнение графа А.И. Остермана... 1873: 266. Эти идеи в более схематичной форме он высказывал в «Записке для памяти», которая являлась своего рода конспектом обширного мнения Анне Леопольдовне.

³¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 225. Л. 2.

³² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 225. Л. 2 об.

иметь не могут», поэтому следовало их «в статские чины с повышением» производить. Он таким образом предлагал разрешить ситуацию кадровой перенасыщенности: «Лишнего генералитетства не прибудет»³³.

Остерман уделял особое внимание перспективам развития образовательной системы. В мнении Анне Леопольдовне он писал: «Ничто так государству не нужно, как хорошия училища». Обучение детей и юношей, как он полагал, «послужило б со временем к сильному искоренению злобы»³⁴ и способствовало бы лучшему управлению подданными.

Выше мы назвали этот проект, или «Представление», политическим завещанием Остермана. Каковы основания для такого утверждения?

Первое, на что можно и несложно обратить внимание, это тот факт, что «Представление» является наиболее обширным из всех текстов, автором которого являлся Остерман. В некотором смысле, это единственное мнение-проект, потому что все остальные упоминаемые нарративы являются докладами, оправдательными записками, полумемуарными конспектами «конференций» (заседаний кабинетных министров в доме Остермана) и т.д., целью которых было объяснение, оправдание перед монархом. «Представление» – проект по государственному управлению, который носил рекомендательный характер и адресовался особе, только что занявшей престол в качестве регента в возрасте 22 лет. Анна Леопольдовна, которой этот проект адресовался, не готовилась ранее к роли правителя, не обладала поддержкой знати и заняла престол благодаря тому, что была матерью младенца-императора Иоанна, назначенного наследником предыдущей правительницей – Анной Иоанновной. Она была юной, неискушенной в управлении и нуждалась в советниках. Может показаться, что Остерман как раз решил воспользоваться случаем смены власти и, представив такой проект, заслужить внимание правительницы. Более того, некоторые мемуарные источники подтверждают нарастающее влияние Остермана в конце 1740 – начале 1741 г. Однако, появление проекта можно объяснить не только тем, что Остерман попытался вернуть влияние, которое стал терять с момента появления А.П. Волынского в Кабинете министров, но также стремлением внушить свои идеи Анне Леопольдовне в связи с очевидным финалом своей политической карьеры.

К этому времени Остерман – политик, переживший к моменту прихода к власти Анны пять правителей. Находясь в возрасте 54-х лет, он к 1740 г. уже успел потерять свое влияние, пик которого пришелся на начало 1730-х. Приход к власти Анны Леопольдовны не сулил ему выигранный позиции, так как его оппонентами оставались Б.Х. Миних и, что еще важнее, М.Г. Головкин – человек, находившийся в кровном родстве с новой правительницей. В начале 1741 г. влияние Остермана ослабло, о чем мы можем судить из спора, возникшего между ним и Минихом в отношении новой департаментской реформы Сената³⁵. Влияние Головкина

³³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 225. Л. 3.

³⁴ Мнение графа А.И. Остермана... 1873: 261.

³⁵ Лыцова 2017: 28–29.

было довольно сильным – он занимал вместе с Остерманом пост кабинетного министра, и Анна старалась не допустить ссоры между ними, о чем напрямую писала Остерману осенью 1741 г. во время «конференций», проводимых в доме Остермана с целью разработки нового закона о престолонаследии: «з Головкиным сношение иметь, понеже он... то дело зачал, и дабы в противном случае от того не произошли б ссоры»³⁶. Остерман, будучи умелым и изощренным политиком, понимал, что при новом правлении от него требуются скорее консультативные услуги, а реальная власть, как и влияние на регентшу, находились в других руках.

«Представление» является проектом, написанным опытным политиком и адресованным юной правительнице: т.е. в некотором смысле Остерман, будучи автором этого текста, выступал в качестве «учителя» или «наставника». Не менее важно, что здесь он суммировал весь управленческий опыт, которым он обладал к 1740 г. Более тщательный анализ текста показывает, что все его предыдущие политические инициативы, разрозненные на первый взгляд, складываются в целостную картину и выступают в «Представлении» в качестве программы – программы, нацеленной на централизацию власти с департаментизацией органов управления, открытием учебных заведений, расширением международной торговли, и все это под управлением мудрого монарха. При этом его суждения носили рекомендательный характер, а не являлись руководством к поступательному воплощению, где у Остермана была бы своя роль.

Последний вопрос, который все еще остается открытым, но фактом своего существования заставляет искать на него ответ: почему Остерман, будучи опытным политиком и зная о готовящемся перевороте Елизаветы Петровны, не предпринял никаких действий, чтобы предотвратить его? Мы знаем о том, что он предупредил Анну Леопольдовну, но эти действия не возымели должного эффекта. Безусловно, он понимал, что приход к власти дочери Петра не сулил ему продвижения по карьерной лестнице и грозил опалой, так как он принимал активное участие в вопросах престолонаследия и не рассматривал Елизавету в качестве вероятной претендентки на престол (в итоге, именно этот пункт обвинения ему был предъявлен в первую очередь после переворота 1741 г. и был основанием для смертной казни, замененной ссылкой). Возможно, Остерман рассчитывал успеть уйти в тень до переворота Елизаветы, но только неожиданность ее действий нарушила его планы. Несмотря на спорность выдвинутого тезиса, «Представление» является обширным текстом, суммирующий весь политический опыт Остермана.

Таким образом, в представлении Остермана, в России была и должна была быть абсолютная монархия – «самодержавие». При этом можно говорить о наличии в его концепции «договора» между монархом и народом. Хорошему монарху Остерман приписывал три основных качества, благодаря которым его правление должно было быть «счастливым» – это

³⁶ РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.

«благочестие», «человеколюбие и благосклонность», «любовь к правосудию и истине». Обладание этими морально-нравственными качествами создавали, по мнению Остермана, положительный образ правителя в глазах подданных, что служило главным инструментом в управлении народом. Руководствуясь концепцией естественного права, Остерман отталкивался в данном случае от идеи естественного права, на основании которого правильное руководство ведет к общему благу. Как следствие, хороший монарх должен был постоянно поощрять – «анкуражировать» – своих подданных к службе. При этом, в первую очередь, надо учитывать не принадлежность к старому роду, а личные качества и способности.

В целом, эти идеи исходили из понимания человеческой природы, когда светские представления стали доминировать над религиозными. «Морализаторская философия и религиозные предписания» уже не могли быть инструментом, сдерживающим человеческие страсти. Как указывает А.О. Хиршман, встала задача найти «более эффективные способы регулирования человеческого действия, чем те, что сводились к морализаторским наставлениям или же угрозам вечного проклятья»³⁷. Это вполне соответствует идее естественного права, под влиянием которой находился Остерман. Свободно владея несколькими иностранными языками, он был знаком с современной литературой (обладатель одного из самых обширных книжных собраний своего времени). Среди тех немногих, кого он приближал к себе, был профессор Гросс – знаток естественного права, под чьим руководством воспитывались дети Остермана. К этому можно добавить не первоочередное, но не менее важное замечание: Остерман был иностранцем, получившим хорошее (правда, неоконченное) европейское образование, и в своих реформаторских начинаниях руководствовался актуальным европейским опытом управления.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Анисимов Е.В. Самодержавие XVIII века: право править без права // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти (источники, исследования, историография). 2005. № 1. С. 200–207. [Anisimov E.V. Samoderzhavie XVIII veka: pravo pravit' bez prava // Nestor: ezhekvartal'nyi zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoi Evropy. № 7. Tekhnologiya vlasti (istochniki, issledovaniya, istoriografiya). 2005. № 1. S. 200–207].
- Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, Университетское изд-во, 2016. 480 с. [Bugrov K.D., Kiselev M.A. Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. universiteta, Universitetskoe izd-vo, 2016. 480 s.]
- Записка для памяти графа Андрея Ивановича Остермана // Архив князя Воронцова. Кн. 24. М.: Университетская типография (М. Катков), 1880. С. 1–5. [Zapiska dlya pamyati grafa Andrey Ivanovicha Ostermana // Arkhiv knyazy Vorontsova. Kn. 24. M.: Universitetskaya tipografiya (M. Katkov), 1880. S. 1–5].
- Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: НЛО, 1999. 326 с. [Kamenskii A.B. Rossiiskaya imperiya v XVIII veke: traditsii i modernizatsiya. M.: NLO, 1999. 326 s.]

³⁷ Хиршман 2012: 42.

- Киселев М.А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о вольности дворянской // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 30–39. [Kiselev M.A. Problema prav i obyazannostei rossiiskogo dvoryanstva v Ulozhennoi komissii na rubezhe 1750-kh i 1760-kh gg.: k istorii Manifesta o vol'nosti dvoryanskoi // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2013. № 3 (40). S. 30–39].
- Лыцова А.С. Реформа Кабинета и Сената 1741 г.: к истории государственной деятельности А.И. Остермана и Б.-Х. Миниха // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 3. С. 25–31. [Lystsova A.S. Reforma Kabineta i Senata 1741 g.: k istorii gosudarstvennoi deyatelnosti A.I. Ostermana i B.-Kh. Minikha // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3. S. 25–31].
- Лыцова А.С. «С известными тремя господами имел я лишь только теперь... конференцию»: «конспекты» А.И. Остермана как уникальный источник в делопроизводстве XVIII в. // Wschodni rocznik humanistyczny. 2018. Т. XV. С. 105–112. [Lystsova A.S. «S yzvestnymi tremya gospodami imel ya lish' tol'ko teper'... konferentsiyu»: «konspyekt» A.I. Ostermana kak unikal'nyi istochnik v deloproizvodstve XVIII v. // Wschodni rocznik humanistyczny. 2018. Т. XV. S. 105–112].
- Манштейн Х. Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. М.: Фонда Сергея Дубова, 1997. С. 9–272. [Manshtein Kh. Zapiski o Rossii generala Manshteina // Perevoroty i voyny. M.: Fonda Sergeya Dubova, 1997. S. 9–272].
- Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб.: Типография Иосифата Огризко, 1862. 667 с. [Markiz de-la-Shetardi v Rossii 1740–1742 godov. Perевod rukopisnykh depesh frantsuzskogo posol'stva v Peterburge. SPb.: Tipografiya Iosofata Ogrizko, 1862. 667 s.].
- Миних Б.-Х. Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: Тип. Безобразова и комп., 1874. 434 с. [Minikh B.-Kh. Zapiski fel'dmarshala grafa Minikha. SPb.: Tip. Bezobrazova i komp., 1874. 434 s.].
- Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 273–318. [Minikh B.-Kh. Ocherk upravleniya Rossiiskoi imperii // Perevoroty i voyny. M.: Fond Sergeya Dubova, 1997. S. 273–318].
- Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году, сообщено им же, с заметкою А.К. // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов. Т. III. СПб.: Тип. Майкова, 1873. С. 256–277. [Mnenie grafa A.I. Ostermana o sostoyanii i potrebnostyakh Rossii v 1740 godu, soobshcheno im zhe, s zametkoyu A.K. // Pamyatniki novoi russkoi istorii. Sbornik istoricheskikh statei i materialov. T. III. SPb.: Tip. Maikova, 1873. S. 256–277].
- [Остерман А.И.] Копия с письма отправленного по указу ея императорского величества самодержицы всероссийской от кабинетного министра вице-канцлера и орденов всероссийских кавалера графа Остермана к турецкому верховному везиру Апреля 12 дня, 1736 года [СПб.: Тип. Академии наук, 1736]. 36 с. [Osterman A.I.] Kopya s pis'ma otpravlennago po ukazu eya imperatorskago velichestva samoderzhitsy vserossiiskoi ot kabinetnago ministra vitse-kantslera i ordenov vserossiiskikh kavalera grafa Ostermana k turetskomu verkhovnomu veziryu Aprelya 12 dnya, 1736 goda [SPb.: Tip. Akademii nauk, 1736]. 36 s.].
- Польской С.В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М.: НЛО, 2012. Т. 1. С. 94–150. [Pol'skoi S.V. Konstitutsiya i fundamental'nye zakony v russkom politicheskom diskurse XVIII veka // «Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda. M.: NLO, 2012. T. 1. S. 94–150].
- Проект к Морской академии и принадлежащей ко оной школе (1730-е) // «Регулярная академия учреждена бюджет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 191–209. [Proekt k Morskoj akademii i prinadlezhashchei ko onoi shkole (1730-e) // «Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...»: Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka. M.: Novoe izdatel'stvo, 2015. S. 191–209].
- Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб.: Санктпетерб. тип., 1726. Кн. 2. С. 333–537. [Pufendorf S. O dolzhnosti cheloveka i grahdanina po zakonu estestvennomu. SPb.: Sanktpeterb. tip., 1726. Kn. 2. S. 333–537].

- Федюкин И.И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. М.: Древлехранилище, 2014. С. 83–142. [Fedyukin I.I. «Chest' k delu um i okhotu razhdaet»: reforma dvoryanskoj sluzhby i teoreticheskie osnovy soslovnoj politiki v 1730-e gg. // Gisatorii rossiiskie, ili Opyty i razyskaniya k jubileyu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo. M.: Drevlekhranilishche, 2014. S. 83–142].
- Федюкин И.И. Граф А.И. Остерман и проект реформирования Морской академии // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 176–218. [Fedyukin I.I. Graf A.I. Osterman i proekt reformirovaniya Morskoj akademii // «Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...»: Obrazovatel'nye proekty v Rossii pervoi polovine XVIII veka. M.: Novoe izdatel'stvo, 2015. S. 176–218].
- Хиршман А.О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М.: Изд-во института Гайдара, 2012. 195 с. [Khirshman A.O. Strasti i interesy: politicheskie argumenty v pol'zu kapitalizma do ego triumfa. M.: Izd-vo instituta Gaidara, 2012. 195 s.]
- Fedyukin I. The Enterprisers: The Politics of School in Early Modern Russia. Oxford: Oxford University Press, 2019. 328 p.
- Thompson M.P. The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // The American Historical review. 1986. Vol. 91, No. 5. P. 1103–1128.

Лыцова Анастасия Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский Федеральный университет; anastasiya.kr.1992@gmail.com

The political testament of the epoch: the principles of the public administration in the A.I. Osterman's projects and reports

In this article I turn to the projects and reports by an outstanding politician of the first half of the 18th century, Count A.I. Osterman. In their attempts to reconstruct his concepts of the public administration scholars face the lack of his own projects. Usually it was explained by his specific way of behavior aiming at concealment of his private initiatives to avoid responsibility. I reject this myth and suggest that it was not the only reason explaining the lack of the projects, and another possible reason is that these projects were not realized. In any case, having gathered all of his opinions, drafts of the projects, and other writings by Osterman I try to reconstruct his views on the political structure of the government, which he followed in his international and domestic policy being one of the ministers in the Cabinet.

Keywords: The Cabinet of Ministers, palace revolution, count A.I. Osterman, the history of the political thought, the succession of the throne

Lystsova Anastasiya, PhD in history, research fellow, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; anastasiya.kr.1992@gmail.com